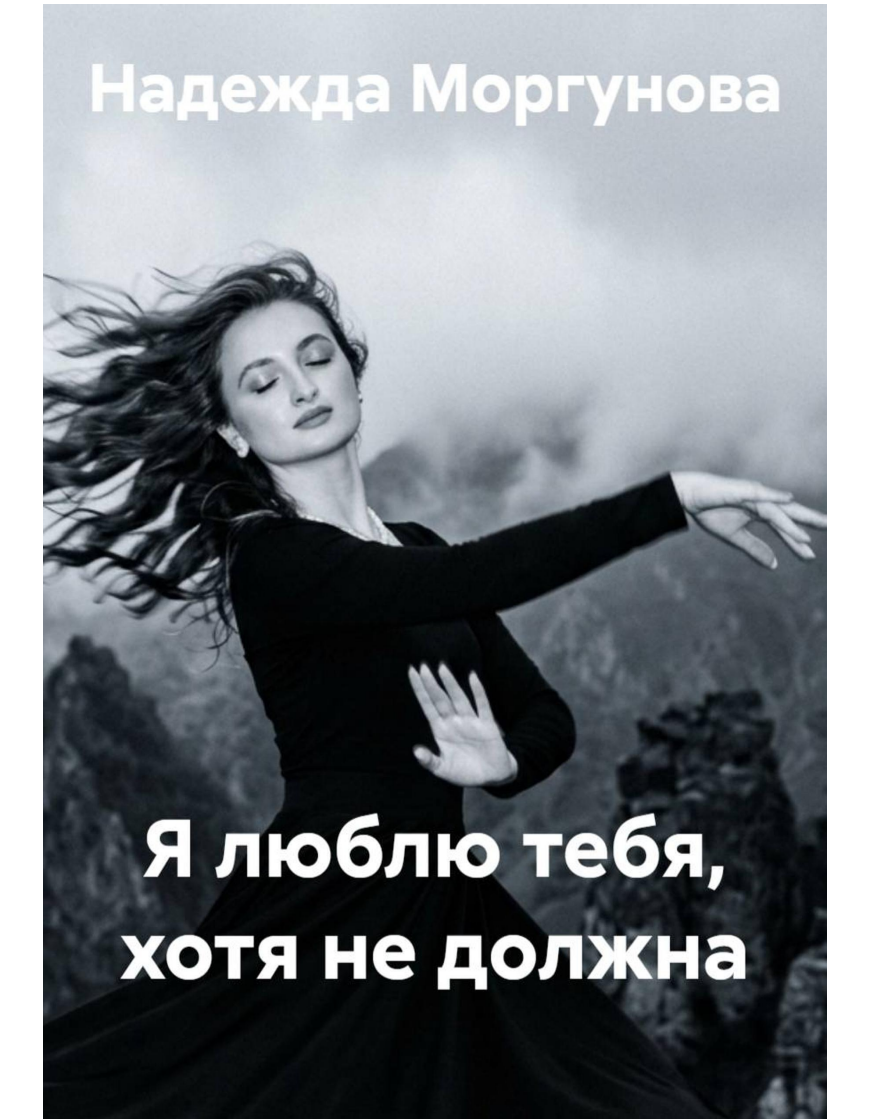

Надежда Моргунова

**Я люблю тебя,
хотя не должна**

Надежда Моргунова

Я люблю тебя, хотя не должна

<https://litres.ru/74367882>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она сбежала от него в Москву. Он продал квартиру в Пекине, потому что не мог дышать в стенах, где её больше нет.

Она ненавидела его восемь лет. Он любил её всё это время — молча, больно, неумело.

Она написала книгу о своей боли и стала голосом для тысяч людей, которые тоже задыхались в своих клетках. Он отключил камеры и уехал, чтобы дать ей свободу.

Но прошлое не уходит, когда ты просишь. Оно звонит в дверь. Оно присылает билеты к океану. Оно сидит рядом на песке и говорит: «Я не могу жить в доме, где нет тебя».

Синька Хай — та, кто выжила. Которая научилась дышать без снотворного. Которая написала «Структуру боли», чтобы разобрать свои раны по косточкам. Но когда он сказал, что продал их общую квартиру, её мир рухнул.

Потому что она поняла: она любит его.

Она не хотела этой любви. Она боролась с ней каждый день. Она убеждала себя, что это страх, зависимость, привычка. Но это была любовь. Самая страшная и самая настоящая.

Свобода — это выбор остаться, когда ты можешь уйти.

Надежда Моргунова

Я люблю тебя, хотя не должна

Часть 1. Номер.

Москва. Покровка. Квартира 17. Осень 2026.

Она просыпается от света.

Не от будильника. Не от страха. От солнца, которое пробивается сквозь тонкие шторы и ложится на пол золотыми полосами. Она смотрит на них и улыбается. Маленькая победа: она проспала всю ночь. Без снотворного. Без кошмаров. Впервые за девять лет.

Синька лежит на узкой кровати, смотрит в потолок с облупившейся штукатуркой и слушает утро. Где-то за стеной соседи завтракают, звенят ложками. Где-то на улице проезжает трамвай. Слышен детский смех, чей-то разговор, звон посуды.

Жизнь. Обычная, шумная, настоящая.

Она закрывает глаза и вдыхает запах своего дома. Пахнет деревом, старой бумагой, и её духами — теми, что она купила в Сеуле на рынке, дёшево и наобум. Запах свободы.

Она встаёт. Идёт на кухню. Три шага — и она уже там. Маленькая плита, маленький холодильник, маленький стол, на котором стоит кружка. Её кружка.

Заваривает чай. Смотрит в окно. Видит церковь, старые дома, и небо — высокое, московское, серое, как её глаза, которые наконец-то перестали плакать по ночам.

Два месяца. Она живёт здесь два месяца. И каждый день — как новый, чистый лист. Она пишет на нём понемногу. Посты. Заметки. Иногда — стихи, которые не показывает никому.

Она уже не та Синька. Она даже не знает, кто она. Но она знает, что ей не больно. Это главное.

Звонок.

Она завтракает. Бутерброд с сыром, зелёный чай. Всё просто, как её новая жизнь.

Телефон вибрирует на столе. Она не смотрит. Думает: «Подружка, наверное. Или издательство». Берёт трубку, не глядя.

— Алло?

Тишина.

Она смотрит на экран.

Пекинский номер.

Сердце падает куда-то в живот. Горло сжимается. Пальцы холодеют.

Она не видела этот номер девять месяцев. После того письма. После его отъезда. После всего.

Она думала, что больше никогда не увидит его на экране. Что он стёр её из своей жизни. Что она стёрла его из своей.

Она хочет сбросить. Хочет нажать на красную кнопку, вы-

ключить телефон, спрятать его под подушку и забыть, что этот звонок был.

Но не может.

Потому что внутри — что-то ломается. Не плохое. Просто — **ломается**.

Она вспоминает последнее письмо: *«Я люблю тебя слишком сильно, чтобы держаться рядом»*. Она вспоминает его голос, когда он говорил: *«Ты устала, Синь. Тебе просто нужно отдохнуть»*. Она вспоминает, как он стоял у окна и смотрел на неё, лежащую на траве. И как она не знала, что он плачет. Что он вообще умеет плакать.

Она берёт трубку.

— Слушаю.

— Синь.

Голос. Его голос. Низкий, с хрипотцой. Как будто он не спал неделю. Или плакал. Или кричал. Или всё вместе.

Она не говорит ничего. Она не может.

— Ты не сбросила. Я думал, ты сбросишь.

— Я тоже думала.

Пауза.

— Я не хотел тебя беспокоить. Я обещал. Но у меня... — он замолкает. Она слышит, как он дышит. Тяжело. — У меня есть что тебе сказать. И я не могу молчать.

— Говори.

Она говорит это ровно. Слишком ровно. Как будто разговаривает с незнакомцем. Но внутри — ураган. Она сжимает

телефон так, что костяшки белеют.

— Я знаю, что ты не хочешь меня слышать. Ты имеешь право. Ты имеешь право ненавидеть меня. Но я должен сказать тебе одну вещь.

— Какую?

Он молчит. Долго. Она слышит, как он дышит, как где-то далеко шумит город, как в его кабинете тикают часы. Она помнит эти часы. Они стояли на его столе. Из чёрного дерева. С маятником, который качался бесконечно.

— Синь, ты должна знать. Я... я всё это время следил за тобой.

Она замирает.

— Что?

— Не так, как раньше. Не камерами. Я не нарушал твою свободу. Я просто... я хотел убедиться, что ты жива. Что ты не лежишь на траве и не ждёшь, пока я уйду. Я следил за твоими постами. За твоими книгами. За тем, как ты дышишь. Через твой канал. Через издательство. Не через охрану. Я обещал тебе — я отключил всё. Я сдержал слово. Но я не мог перестать думать о тебе.

— Зачем ты мне это говоришь? — её голос дрожит.

Она хочет крикнуть: «Ты снова лезешь в мою жизнь! Ты не имеешь права!» Но слова застревают в горле.

— Потому что я люблю тебя, — говорит он. — И я знаю, что ты меня не любишь. Я знаю, что ты свободна. Я знаю, что у тебя новая жизнь. Но я не могу делать вид, что тебя

не существует. Ты — моя боль, Синь. Моя самая любимая боль. И я не знаю, как с ней жить.

Она закрывает глаза. Слёзы текут по щекам, но она не плачет. Не всхлипывает. Просто сидит, сжимает телефон, и слёзы сами бегут.

— Ты прислал его, — говорит она тихо. — Ты сам сказал. Ты прислал мне любовь, чтобы я захотела уйти. А теперь звонишь и говоришь, что любишь меня?

Пауза. Очень длинная.

— Я не знаю, что я делаю, Синь. Я никогда не знал.

Она чувствует, как внутри неё что-то разрывается. Не от ненависти. От понимания. Он тоже — запутанный. Он тоже — не знает.

— Я перезвоню, — говорит она. — Позже. Мне нужно подумать.

— Хорошо. Я буду ждать.

— Не жди. Просто... будь.

Она кладёт трубку. Смотрит на экран. Номер исчезает, но остаётся в памяти.

Она ставит чайник. Смотрит в окно. На церковь, на небо, на свою новую жизнь.

И думает: *«Почему ты звонишь именно сейчас? Почему не раньше? Почему не позже? Почему именно сегодня, когда я начала верить, что всё закончилось?»*

Ответа нет. Только ветер за окном. И чувство, что дверь в прошлое снова приоткрылась. Не сильно. На щёлочку.

А ей казалось, что она закрыла её навсегда.

Позже, вечером.

Она сидит в своём маленьком кресле, укрытая пледом, смотрит на ночную Москву. Где-то там, далеко, в Пекине, он тоже сидит у окна. Смотрит на свою ночь.

Они оба смотрят на звёзды. Одни и те же. Только с разных сторон Земли.

Она не знает, что ему сказал доктор перед тем, как он набрал номер:

— Если вы не скажете ей правду сейчас — вы умрёте, господин. Не физически. Но внутри. Вы уже мертвы. Она — ваша жизнь. Даже если она не ваша.

Он набрал номер. И сказал не всё. Но сказал главное: *«Я люблю тебя»*.

Она не знает, что делать с этой любовью. Она даже не знает, хочет ли она её.

Но она знает, что ответила на звонок. Не сбросила. Не убежала.

Это уже что-то.

Завтра.

Она напишет новый пост. О том, как прошлое звонит в дверь, когда ты уже начала жить. О том, что иногда ответить на звонок — это не слабость, а смелость. И о том, что даже когда ты свободна, ты не перестаёшь быть частью чьей-то боли.

Она назовёт пост: **«Когда прошлое звонит»**.

И в конце напишет:

«Сегодня я взяла трубку. Я не знаю, правильно ли это. Но я знаю, что я больше не боюсь слышать его голос. Потому что мой голос теперь громче.»

Часть 2. Песня на Марсе.

Москва. Покровка. Квартира 17. Три дня спустя.

Она почти забыла о звонке.

Почти. Но телефон лежал на столе экраном вниз, и она не брала его в руки без необходимости. Она работала. Писала новую главу «Структуры боли». О том, как страх приходит не тогда, когда ты его ждёшь, а когда ты уже успокоился.

И вот он снова.

Вибрирует. Экран загорается пекинским номером.

Она смотрит на него пять секунд. Берёт трубку.

— Слушаю.

— Синь, — его голос звучит увереннее, чем в прошлый раз. Он взял паузу, собрался. — Ты сказала, что перезвонишь.

— Я сказала, что мне нужно подумать.

— Ты подумала?

— Нет. Я работала.

— Ты всегда уходишь в работу, когда тебе страшно.

Она усмехается. Коротко, без тепла.

— Ты меня не знаешь.

— Я знаю тебя восемь лет.

— Ты знаешь мои привычки. Мои страхи. Мою бессонницу. Ты не знаешь меня.

Он молчит. Она слышит, как он дышит. Спокойно. Слишком спокойно. Он готовится к чему-то.

— Ладно, — говорит она. — Чего ты хочешь? Ты не нашёл времени за восемь лет просто выслушать меня. Что изменилось сейчас?

Он пропускает её вопрос мимо ушей. Как всегда.

— Синь, — говорит он, и в голосе появляется знакомая

металлическая нотка, — я просил тебя не ругаться с преподавателем по вокалу. Тебе что, сложно было?

Она застывает.

— Что?

— Ты слышала. Я говорю о том, что было. Ты разругалась с лучшим педагогом по вокалу в мире. Я специально нашёл его для тебя. Лучшего. Он стоил бешеных денег. И ты просто взяла и послала его.

— Ты сейчас серьёзно? — её голос начинает повышаться.
— Через восемь лет ты звонишь мне, чтобы обсудить моего преподавателя по вокалу?

— Я хочу понять, — говорит он ледяным тоном, — что с тобой не так? Это лучший преподаватель в мире, я лучше него не найду тебе, Синь. Я потратил на это три месяца. Три месяца переговоров. А ты просто...

— Я не хочу его! — кричит она. — Я не хочу никакого преподавателя! Я хотела петь для себя, а не для того, чтобы ты мог сказать: «Я нашёл тебе лучшего». Ты не слушал меня. Ты никогда не слушал!

Он молчит. Она чувствует, что он не слушает и сейчас.

— Знаешь что? — продолжает она, и голос её срывается на истерику. — Ты сидишь сейчас в своём кабинете, в Пекине, и говоришь мне о вокале. А я хочу сказать тебе одну вещь. Ты лез в мою интимную жизнь. Ты пытался обсуждать со мной то, что тебя не касается. Ты присылал ко мне людей, чтобы они проверяли, есть ли у меня секс. Ты считал, сколько раз я выходила из дома. Ты знал всё. И тебе просто стало противно, что я не твоя. Что я не хочу тебя.

— Я никогда не говорил, что мне противно.

— Ты не говорил. Ты просто дал мне это понять. Каждым своим молчанием. Каждым своим взглядом. Я знаю, что ты проверял мои вещи. Я знаю про камеры. Я знаю, что ты видел, как я брала нож.

Она замолкает. И сразу жалеет. Потому что это — то, что она хотела скрыть. То, что она не хотела произносить вслух. Но слова уже вылетели. И их не вернуть.

Он молчит. Долго. Так долго, что она думает, что он сбросил.

Но он не сбросил. Он просто собирается.

— Ты права, — говорит он тихо. — Я знаю про ножи. Я знаю про камеры. Я знаю, что ты делала в ванной. И знаешь, что я понял, Синь?

Она молчит. В груди — холод. Как тогда, когда лезвие касалось кожи.

— Я понял, что ты не хотела умереть. Ты хотела проверить, больно ли тебе вообще. Ты хотела понять, чувствуешь ли ты хоть что-то. И это сломало меня. Не то, что ты взяла нож. А то, что ты даже не знала, чувствуешь ли ты боль.

Он замолкает. Она слышит, как он выдыхает. Дрожащим голосом.

— Я знаю, о ком ты пела ту песню, — продолжает он. Ты написала её в 2016 году. Ты думала, я не знаю. Но я знаю всё. Ты пела о том парне, да. О том, кто не пришёл на твой концерт. Ты пела о том, что ты одна, даже когда рядом кто-то есть. Ты пела о том, что ты уже мёртвая, пока все думают, что ты живая.

Она не дышит. Слезы катятся по щекам, но она не чувствует их.

— После этой песни, — продолжает он, и голос его становится твёрже, почти холодным, — у моей жены поехал ментал. Ты думаешь, я не видел? Ты думаешь, я не заметил, как ты перестала есть? Как ты перестала спать? Как ты перестала улыбаться?

— Ты не имеешь права, — шепчет она. — Ты не имеешь права обсуждать мою песню. Это моё. Не твоё. Никогда не было твоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.